

НЕЛЛИ КОРОБЕНКОВА

НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЙНЫ

22 сентября 1994 г.

Учительницу из Бичуры Нелли Дмитриевну Коробенкову нет необходимости представлять читателям - она наш автор. Помните роман в письмах «Иван и Зоя», которым весной этого года на страницах «Бурятии» началась серия публикаций, посвященных 50-летию Великой Победы? Это ее усилиями в музее Бичурской средней школы № 1 собраны две тысячи фронтовых писем, ставших бесценными документами той войны.

Но военной темой Нелли Дмитриевна «заболела» задолго до «Ивана и Зои». Боль ее души - те, кто все эти годы незаслуженно оставался в тени, о ком не говорят и не пишут.

- Ну, разве виноваты они, что был в их жизни фашистский плен, - вспоминает Нелли Дмитриевна те давние свои встречи с фронтовиками - земляками. - Неужели рейхстаг брали лишь те, кто постоянно сидит в президиумах?! Сердце щемит от такой несправедливости. Крыло славы не коснулось многих, кто был причастен к Победе. Ведь в их военных билетах в память о войне лишь строчка. «Находился в плену». Такое, о чем они вспоминают, не придумать. И я не могла не записывать их...

Так родилась ее «Непопулярная тема», вызвавшая интерес не только читателей районной газеты «Бичурский хлебороб». Слишком много мы не знаем из нашей истории, чтобы пройти мимо того, что годами ищет, собирает и записывает для нас учительница из Бичуры Нелли Дмитриевна Коробенкова.

В скорбной и героической книге войны сегодня, спустя полвека, много малоизвестных и непрочитанных страниц. Одна из них - плен. В этой публикации сделана попытка приблизить, высветить лишь несколько судеб из тех 5700 тысяч человек, кто оказался ТАМ. Из их обыденных рассказов встает совсем другая война, в которой было место и смертному страху, и изматывающей усталости, которые пережил каждый фронтовик. В книгах же и кинофильмах недавнего прошлого, в докладах военкомов и первых партийных секретарей война ограничивалась рамками «массового героизма» и «беззаветной преданности». И ни слова о голоде на фронтах Запада и Востока, о загранотрядах и штрафных ротах, о брошенных на произвол судьбы миллионах советских военнопленных. Ни слова о приказах № 227, № 270, о послевоенных сталинских лагерях, забитых и «изменниками Родины».

Мои собеседники из бичурских сел Елань, Малый Куиалей, Буй, Слобода, Верхний Мангиртуй, Билютай, Узкий Луг, Бичура. Десятилетиями они хранили воспоминания в своем душевном архиве. В них жива память о

штыковых атаках, о раненных в исподнем и бинтах, о комиссарах, ведущих на прорыв, о лагерях Чехословакии, Германии, Франции, Италии и своих: вологодских, колымских... На фоне их горчайших судеб ярче и дороже Победа, до 50-летия которой многие из них не дожили.

Одиссея бичурских солдат

Роковым образом сложилась судьба некоторых бичурских солдат. В декабре сорок седьмого Управление по учету потерь известило Анну Михайловну Бутакову (Окино-Ключи) о том, что ее муж Николай Дорофеевич, 1903 года рождения, «погиб в германском плену». Подобные извещения получили семьи Константина Егоровича Баженова (Билютай), Саввы Ивановича Григорьева (Бичура), Семена Давыдовича Симонова, Полувена Марковича Пойманова (Окино-Ключи), Онуфрия Семеновича Телешева, Василия Архиповича Сафонова (Сухой Ручей), Петра Илларионовича Комарова (Елань). Их уже не расспросишь о фронтовой судьбе: все они погибли в фашистских застенках.

А кто сегодня поведаст о судьбе 42-летнего малокуналейского колхозника, прошедшего всю войну едва ли не с первого дня и сгинувшего 3 марта 1945 года? В извещении, полученном его родными, значилось: «остался на территории противника». Что за этими словами? Что произошло на безвестном участке фронта 3 марта 1945 года. Вряд ли этот день стал роковым для одного рядового Сеницына...

Однажды поздним зимним вечером, когда наша школа уже затихла, и только технички позвякивали ведрами, убирая классы, едва ли не до полуночи слушала я исповедь скромного школьного сторожа Леонида Максимовича Судомойкина. В его одиссее были все скорбные атрибуты плена: окружение, ранение, лагеря, побег, собаки, расстрелы... Велика ли окраинная бичурская деревенька Билютай, его родина, откуда 18-летним попал красноармеец Леонид Судомойкин под Сталинград. Ад фашистской неволи пережили и некоторые его земляки. Рядовой Ефимов Василий Карпович после 10-летней переписки со всеми мыслимыми и немыслимыми инстанциями лишь в 1991 (!) году получил, наконец, удостоверение ветерана войны. Бывший колхозный кузнец Калина Исакович Судомойкин, прошедший три войны, не думал - не гадал, что кузнечное ремесло спасет его в фашистском плену: немецкому бауэру понадобился толковый кузнец.

Стрелку-радисту Лупону Ананьевичу Черняеву солдатский фарт изменил за 20 дней до Победы. 9 мая он встретил в Чехословакии, бежав из концлагеря близ Праги. Последним лагерем Сидора Липатовича Ефимова был печально известный Маутхаузен (Австрия). На его глазах, на глазах его товарищей по несчастью был превращен в ледяную статую генерал-лейтенант Карбышев...

Так сколько их по стране, бывших узников, если в деревеньке, состоявшей в войну из одной улицы, их семь человек. А сколько действующих лиц и страдальцев истории скрыто за строкой «пропал без вести». Всего же без вести пропало на фронтах войны по нашему району

1046 человек.

Продолжение от 29 сентября 1994 г.

В районной «Книге памяти» рядовой Коноваленков Григорий Евдокимович значится пропавшим без вести. Есть дата этого скорбного события - 1 августа 1942 года. На самом деле он погиб в фашистском плену весной сорок пятого года. Об этом свидетельствует В.К.Ефимов. В сорок втором году Василий Карпович оказался в концлагере во Франции, близ города Марсель.

«Однажды на переключке я услышал знакомую фамилию «Коноваленков». Думаю, не из наших ли краев кто. Приметил его. Он высокий, здоровей меня. У меня 185.

-Ты откуда? спрашиваю.

• Издалека.

-Я тоже издалека.

-Из Улан-Удэ, - говорит.

-А я из Билютая.

-Бог мой! Дак я Ключевский.

-Жили мы в разных бараках, но друг друга не теряли. Пообещали сообщить своим. Если с кем-нибудь из нас что случится.

Он погиб на моих глазах во время бомбежки. Французы похоронили его вместе с другими погибшими военнопленными».

Война еще живет в каждом доме, где я бывала. Встречали меня по-деревенски приветливо и радушно. Но, что скрывать, тускнели их глаза, когда узнавали о цели моего визита. Александр Андреевич Мулярчук (Посолье) хранит фотографию молодой мамы. Чудом дошел снимок из фашистской неволи до Украины. А попала она туда из села Видковны Каменец-Подольского района Хмельницкой области. Пелагея Онуфриевна, 30-ти лет, была включена в черный список наряду с подростками для отправки в Германию. Невольников увез и на подводах в Каменец-Подольский. О судьбе матери рассказали односельчане, вернувшиеся из рабства. Погибла Пелагея Онуфриевна во время, бомбежки союзниками завода, где она работала.

Григорий Георгиевич Стрекаловский, бывший узник Славутского «гросслазарета», безошибочно показывает на карте, висящей на дощатой перегородке, свой фронтальной путь и место своего заточения. Удивительное дело, старики забывают, куда положили очки, но до мельчайших подробностей помнят события пятидесятилетней давности, имена, лица, города. Данные, которые они приводят, трудно проверить, потому что у каждого свой радиус видения войны. То, что они выжили, просто невероятно,

чему они сами не перестают удивляться всю жизнь.

...В сорок пятом году в Берлине в одно время находились два брата Афанасьевых. Изот, прошедший войну с 22 июня сорок первого до победного 9 мая, с иконостасом боевых наград на груди. Другой, Осип, тоже бывший красноармеец, а в те дни еще военнопленный. С разрешения начальства военный шофер Изот Афанасьев разыскивал по лагерям младшего брата. Он не знал, что тот давно не в лагере, а в рабочей команде на рудниках Рейнско-Вестфальской земли.

Солдаты из Бичуры освобождали узников фашистских лагерей. Рядовой Назар Семенович Иванов встретил в воротах Майданека среди тысяч узников земляка из Иркутска Андреева Владимира. Снайпер Елена Фокеевна Трифонова оставила скорбные воспоминания об увиденном в только что освобожденном лагере смерти Дахау. Как из разрозненных кусочков мозаики возникает целое, так из рассказов бывших военнопленных из Бичуры и их освободителей вырисовывалась картина всенародной трагедии. Плен долгие годы был запретной темой. Были времена, когда иметь такой факт в своей биографии было небезопасно. Статья Уголовного кодекса квалифицировала плен как измену Родине. Никакие смягчающие обстоятельства не принимались во внимание: ни тяжелые ранения, ни бессознательное состояние, ни безысходность положения ничего.

... Многие ли в Бичуре, даже из ближайших соседей, знают, что дед Савелий, Савелий Фомич Григорьев, полвека назад смотрел на лазурное небо и Средиземное море через тюремную решетку фашистского концлагеря? А какими судьбами занесло после войны в маленькое село Узкий Луг чаевода из далекой Грузии Иона Константиновича Пацация? И что такое статья 58 пункт «б», по которой на 10 лет тюрьмы плюс 5 лет поражения в правах был в сорок шестом осужден вчерашний отважный лейтенант, учитель Петропавловской школы Сидор Анифонович Нестеров?

У них разные воинские звания и специальности. Большинство рядовых, но есть и офицеры: С. А. Нестеров, П. Я. Гавриков. Под Сталинградом воевали минометчик Г. Г. Стрекаловский, боец химической роты Л. М. Судомойкин, артиллерист С. А. Нестеров. Под Ленинградом держал оборону с неразлучным «максимом», установленным на тачанке, пулеметчик С. Ф. Григорьев. Не сосчитать, сколько рейдов по тылам врага совершил кавалерист Н.Н. Лизунов. Выносил раненых с поля боя рядовой И.К. Пацация. Познали горечь отступления шофер О.Г. Афанасьев и пехотинцы С.М. Дульянинов, С.Ф. Пономарев, К.Е. Тюрюханов, В.К. Ефимов. Восстанавливал разбитые железнодорожные пути и мосты рядовой железнодорожных войск Н.Г. Семенников. В Белоруссии воевали Ф.В. Дрянов и В.И. Гнеушев. В Карелии, на Северо-Западном фронте, пролегли фронтовые дороги пулеметчика саперно-инженерного батальона И.Е. Вокина.

Крестьянские дети, до войны они дальше Улан-Удэ и не были. Война же раскидала их до западных границ страны. Воевали бичурцы на Белорусском, Донском, Степном, Сталинградском, Украинском, Калининском фронтах. Они порой и не знали, что пути земляков пересекались. Красноармеец-

кавалерист Н.Н. Лизунов служил на Балтике кадровую, а военнопленный Н.Е. Вокин из соседнего села Слобода в сорок третьем году валил здесь лес под охраной немецких автоматчиков.

Многих дороги узников занесли в Западную Европу. Осип Платонович Ткачев оказался в Норвегии; И.К. Пацация, В.К. Ефимов, С.А. Нестеров - во Франции; О.Т. Афанасьев, Н.Г. Семенников, С.Ф. Пономарев, Г.Г. Стрекаловский, В.И. Гнеушев - в Германии, Л.А. Черняев - в Чехословакии; С.Л. Ефимов - в Австрии; С.Ф. Григорьев - в Италии; Ф.В. Дрянов - в Польше и Германии.

Война - величайшая человеческая трагедия. В ней были и героические, и скорбные страницы. В плен не всегда попадали малодушные и трусы. Там, за колючей проволокой, оказались писатель Муса Джалиль и генерал-лейтенант Карбышев, сыновья Сталина и Хрущева, командующие армиями и фронтом. «Почему не застрелился?» порой спрашивают у военнопленных. Не знаю, гуманно ли требовать добровольного ухода из жизни от 5 млн. 700 тысяч человек, имевших несчастье оказаться в плену?

Продолжение от 5 октября 1994 г.

Не менее драматична судьба Гаврикова Петра Яковлевича. Паренек из бедной семьи переселенца из Тамбовской области в забайкальское село Узкий Луг, он окончил Бичурскую среднюю школу 21 июня 1941 года и вместе с другими сетью выпускниками получил аттестат зрелости. Думалось, впереди целая жизнь, а оказалась одна война. На фронт ушел 18 сентября 1941 года. Краткосрочные курсы младших офицеров и передовая. Бои под Москвой, Сталинградом. В сорок третьем, раненый, он оказался в плену. Ему удалось бежать. Он снова вернулся в действующую Армию. Освобождал Польшу, Чехословакию. Едва живой вернулся домой в сорок шестом, снова стал учительствовать. Но война добила его после. Не прошли бесследно муки, перенесенные в концлагере.

Ветераны войны Григорий Парфенович Чеусов и Павел Трифонович Разницын свидетельствовали: обронил им как-то Петр Яковлевич горькие слова: «У меня в лагере на спине немцы звезду вырезали». Он умер в сорок седьмом году. Ему едва исполнилось 25 лет.

Не мог вычеркнуть из своей памяти 53 дня фашистского плена Даниил Мартинович Афанасьев (Новосретенка). Об этом он писал после своего побега из плена и возвращения в ряды Красной Армии в районной газете «Ленинский путь» в 1943 году: «Добрый день, родные и друзья. Примите мой пламенный фронтовой привет от вашего сына и земляка Афанасьева Даниила Мартиновича.

Дорогие колхозники и колхозницы сельхозартели имени Сталина Новосретенского сельсовета и все трудящиеся Бичурского аймака! Многие мои земляки сейчас вступают в ряды РККА. Я хочу дать - им свой наказ: лучше с честью погибнуть на поле боя, но не сдаваться кровавым мучителям-немцам! Скажу вам, что я имел несчастье попасть в плен к немецким

собакам, где находился 53 дня. Злые немецкие собаки мучили меня и издевались, но 23 ноября 1942 года мне удалось бежать из фашистского плена. В настоящее время снова нахожусь в рядах Красной Армии, жив и здоров. За все мною испытанные муки, за страдания тысяч людей я буду беспощадно мстить гитлеровским кровожадным фашистам. Им одна кара - смерть. Чтобы скорее, добиться окончательной победы над немецко-фашистскими палачами, вы, дорогие земляки, должны своим самоотверженным трудом в тылу помочь нам, фронтовикам. Победа будет за нами»

Даниил Мартинович скончался 4 мая 1989 года накануне 45-летия Победы. Сын репрессированного, отбывшего свой срок в Севлаге, он в свое время окончил три класса начальной школы. С 13 лет началась мужская крестьянская работа: боронил, пахал, сеял. О его фронтовой судьбе никто не мог рассказать. К счастью, сохранилось школьное сочинение его четырнадцатилетней внучки Иры Афанасьевой. Со слов бабушки она записала его биографию: «С 1938 года я работал на тракторе ХТЗ. В сороковом стал стахановцем-ударником и был кандидатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Но поездка не состоялась: началась война...» Даниил Мартинович был мобилизован на фронт осенью сорок первого, однако его оставили по брони на два месяца до завершения хлебоуборки. 21 декабря, поцеловав жену и первенца-сына, родившегося неделю назад, он ушел на фронт.

Через три месяца он будет назначен командиром минометного отделения. Д.М.Афанасьев воевал в 125-м стрелковом полку сначала на Северо-Западном фронте, затем под Сталинградом в составе 62-й армии, 77-й стрелковой дивизии в качестве старшины минометной роты.

В марте сорок второго Даниил в одном из боев получил тяжелое осколочное ранение в ногу. Сохранилась фотография периода его пребывания в госпитале: молодой боец в больничном халате. На груди две медали. Одна из них «За отвагу». На обратной стороне: «Москва, 1942 год», 277-я стрелковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои, а осенью и зимой 42-43 годов участвовала в операции по уничтожению фашистских войск под Сталинградом. 4 октября Афанасьев, раненый, попал в плен. Какими были те 53 дня? «Он не мог вспоминать об этом, - рассказывает жена Екатерина Калистратовна. - Как заговорит, так заплачет...»

Рассказ дополнил сын Ананий Данилович, тот, что недельным остался после ухода отца на фронт: «Однажды, в тихую добрую минуту, отец рассказывал, как издевались над узниками фашисты, как конвоиры с автоматами, поигрывая на губных гармошках, между делом пристреливали тех, кто казался им слабым или ленивым.

А однажды подозвал фельдфебель: «Русс, шнапс!» - и приказал пить. Подает мне какую-то раскладную мензурку, - рассказывал отец. Я хрюснул».

А дальше все было, как у Андрея Соколова из рассказа Шолохова «Судьба человека». И нет у нас оснований не верить, что так оно и было. С ненавистью смотрел красноармеец Афанасьев на мундиры мышинового цвета и

рогатые каски фашистов. Из гвоздей плющил лезвия, затачивал на камнях, готовился к побегу. И бежал, чтобы снова встать в строй мстителей, мстить за живых и павших товарищей, за самого себя, за «позор» плена.

А дома о нем не знали почти полгода. Перестали приходить письма. Послали посылку и получили ответ: «Афанасьев в списках не значится. Вашу посылку передали в Фонд обороны». Делали запросы. Ответа не было. Как-то утром заходит в дом Даниила Мартиновича председатель колхоза:

- Ну, Катерина, радуйся.

- А я испугалась, - вспоминала Екатерина Калистратовна.

- С Данилой что?

- Письмо от него.

Я не поверила. А вскоре он нам написал: «Я вернулся, не печальтесь».

Он вернулся домой летом сорок шестого года. На груди ордена Красной Звезды, Отечественной войны, Медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

Война напоминала ему то ноющей болью в израненной ноге, то ожившими осколками в голове. Не сломал плен, сломать ли болезням. До последних дней в меру своих сил трудился Даниил Мартинович, вы растил пятерых детей, внуков. Одного из правнуков назвали в честь деда старинным русским именем, именем деда, хлебороба и воина.

...Сколько же наших солдат оказалось в плену за годы Великой Отечественной войны? По данным вышедшего в 1943 году в Германии справочника для высшего генералитета вермахта, только в 1941 году в плен попало 2891 тысяча солдат и офицеров Красной Армии. За первый год войны число пленных превысило число убитых на 800 тысяч человек».

Заговор молчания вокруг непопулярной темы прорвал мужественный голос Шолохова, в годы «отпели» опубликовавшего «Судьбу человека». Нет, не жалели людей, особенно в первые годы войны. Слова «любой ценой» помнит каждый фронтовик. Они звучали в приказах Верховного командования, звучали по радио и в беседах, политрабработников...

За второй год войны наши потери пленными составили 1800 тысяч человек. Общее число бойцов и командиров Советской Армии, попавших в плен, составляет 57001 тысяч человек. Это только в песне красиво звучит «нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

В действительности цена победы оказалась не такой, какой ее знали, из сводок Совинформбюро. Сколько же пало наших солдат, в каких странах? Сколько погибло в фашистских концлагерях? На нашей территории? За пределами страны? Из чего складываются 20 миллионов (или 35 миллионов) погибших? Ответ ищут историки. Я же привожу свидетельства участников войны, которую каждый из них видел лишь в радиусе своего действия.

Продолжение от 12 октября 1994 г.

ПОНОМАРЕВ Степан Федорович из Слободы:

«Нас в Слободе три фронтовика осталось. Призывался я 4 декабря сорок первого года. В один день ушли председатель колхоза Иннокентий Кириллович Паньков, Егор Коротов, председатель сельсовета, и землемер Степанов. Про последнего говорят: под расстрел попал на фронте.

Про войну многое помнится. Но и то, что два года в бане не мылся, тоже. И что вернулся после плена весом в 36 кг. А уходил – 68 весил». Служил я в 875-м стрелковом полку. Сразу попал на передовую под Оскол Новый и Старый. Они все наступали, мы отступали. А потом: «Ни шагу назад». Умри, но не сходи с позиции. И умирали. С бутылкой с зажигательной смесью на танк шли. Ни шагу! Раненые не уходили с позиций.

Отступление. Дисциплина военного времени была суровой. Особенно ужесточилась она после приказа № 227, известного в народе как приказ «Ни шагу назад!». Законы военного времени усилили ответственность за утрату документов, за разглашение государственной тайны. Как измена Родине квалифицировалось дезертирство. Приказ №227 наркома обороны СССР суровый приказ. «Все, кто без приказа отойдет со своих позиций, - говорилось в нем, хотя бы и в безвыходных обстоятельствах, будут преданы суду военного трибунала». Сначала мы хотели победить малой кровью, теперь любой ценой... Ветераны вспоминают, как им перед строем зачитывали этот приказ. Говорят, что немцы перепечатывали его в своих листовках с припиской, что, мол, эта листовка является в той обстановке пропуском для перехода на их сторону. Сколько дивизий легко костыми на оборонных рубежах, выполняя его. И тогда, и сегодня, наверное, трудно увидеть грань, отделяющую необходимость от жестокости. Приказ № 227 был полностью опубликован лишь спустя 40 лет.

Я воевал под Харьковом, Ростовом. А на Дону, между Доном и Донцом, окружили нашу часть. Давай выходить, кто как смог. По 3-4 человека. Пристроились как-то гнать скот, даже «бифильд» - справки такие - достали. Летом сорок второго вышли к Дону. Тут нас близ села Выползово и взяли. А случилось так. Идти обессилели. Голодные, оборванные попросились к одному в хату. Он пустил. Днем прятал нас в погребе. Завалит снопами крышку, мы и сидим. Дело было весной, надоело сидеть. Хозяин огород жердем городил. Думаем, подсобим доброму человеку. И подсобили... Соседка увидела чужих и донесла. Облава замела нас. Попался тогда и мой земляк из Кяхты Толстиков. Кажется, Михаилом его звали. А дальше все как у всех: лагерь, побеги, освобождение».

ГРИГОРЬЕВ Савелий Фомич из Бичуры:

«22 октября 1941 года наш эшелон подъезжал к Куйбышеву. Сюда уже

эвакуировано из Москвы правительство, Нам сообщили, что 7 ноября в Куйбышеве будет проходить военный парад. Рост у меня был гвардейский, и я оказался правофланговым. Построили по ранжиру. Рост не менее 182 см. Квадраты - двенадцать человек на двенадцать. Почти две дивизии подготовили к этому параду. Муштровали нас день и ночь. Ночью несколько раз вроде генеральной репетиции проходили по площади. И вот этот день 7 ноября. На машинах подъехали члены правительства Михаил Иванович Калинин, Клемент Ефремович Ворошилов. Последний речь произнес. Я плохо запомнил, что он говорил, но понял, что завтра мы едем на фронт и что на войне надо закапываться поглубже. «Лопата - ваш друг»,- говорил он.

Восьмого выехали на передовую в район Тихвина. Пережили мы первые бомбежки и первое наступление. Как-то встал на нашем пути дзот и начал крошить роту. Из 70 человек осталось трое невредимых да двое раненых. Пятеро из семидесяти.

9 декабря взяли Тихвин, но бои продолжались до конца месяца, 25 декабря получил я ранение в левую руку и оказался в госпитале в северном городе Соликамске. А оттуда через батальон выздоравливающих в городе Молотове - попал в знаменитую 17-ю танковую бригаду. О ней написал Симонов свой роман «Живые и мертвые». Шли непрерывные, изматывающие бои. Мы не вылазили из окопов.

Июль. Окопались в поле. Полынью пахнет. Я с новым вторым номером пулемета. Моего товарища убило. А нового я и по имени не успел запомнить. Тихо. Задремал. И даже успел сон увидеть. Чувствую, глаза у меня открыты, а сон вижу. Вижу коней: саврасых, вороных, каурых. Скачут в гору. И вдруг: «К бою!» Говорили позже: не менее 100 танков на нас наступали. И мотоциклы идут. Успел я гранату бросить под мотоцикл. А танк уже рядом. Мой второй номер сразу насмерть, а меня завалило в окопчике. Поленился фашист крутануться гусеницами на окопе ничего бы от нас не осталось.

Случилось это утром, а очнулся я часа в четыре. Солнце еще высоко стояло. Бой откатил куда-то. Я весь в крови. Все вижу, слышу, а речь потерял. Выкарабкался, пополз, откуда мы наступали. Вижу, с перебитыми ногами шевелится наш боец. Подполз к нему, кое-как перевязал его. Вдали появилась бронемашина. Я приподнялся с земли, потом сел. Машина остановилась. Машут нам рукой. Поднялся я, взвалил раненого, согнулся, волоку его, света белого не вижу. А когда глаза поднял, увидел кресты... На броне два фашиста. Соскочили, за шиворот нас и на площадку бронемшины. Позже я узнал, что в том неравном бою рас хлестали нас и отбросили на 15 км. Я оказался в немецком тылу».

ЧЕРНЯЕВ Лупон Ананьевич из Билютая.

Умер несколько лет назад. И уже не у кого уточнить подробности его фронтовой биографии. К счастью, один из бичурских журналистов, П.Ткачев, записал его рассказ. И я воспроизвожу его.

«В ноябре 43-го нас направили на запад, и мы прибыли на формировочный пункт. На врачебной комиссии меня признали годным к службе в

авиационных частях. Группу в 40 человек направили в школу стрелков-радистов. Недолгим было наше обучение, фронту требовалось пополнение. Успели изучить только материальную часть оружия.

Боевое крещение получил под Кривым Рогом. Не знаю, как рискнул взять меня в боевой вылет командир эскадрильи Ил-2 самолетов штурмовой авиации. Ведь я еще ни разу не поднимался в небо: не было времени на тренировки. Фашисты называли Ил-2 «черной смертью», наши солдаты их любовно величали «горбатыми», «летающими танками» такую мощную огневую поддержку оказывали они пехоте.

Атаковали мы тогда передовые позиции немцев. И хотя шли довольно плотным строем, вклинились в него немецкие «мессершмитты». Надо стрелять. Но пойми здесь, где небо, где земля? Только увижу черные точки фашистских самолетов - и стреляю. Небо и земля. В этот момент все для меня перевернулось. Был сугубо земной солдат - стал воздушным. А что значит воздушный? Ведь бьют в упор по нашим штурмовикам не только зенитки, но и пушки и пулеметы «мессершмиттов».

С небом я постепенно освоился. Обстрелялся, пришел какой-то опыт, война всему научит. Не помню, сколько их было, боевых вылетов. В иной день по несколько раз вылетали на штурмовку.

Но, пожалуй, больше помнятся в этой круговерти войны вынужденные посадки. Дважды наш самолет сбивали, и все обходилось благополучно. Третьего, говорят, не дано. Да тяжело вспоминать об этом. Многих боевых друзей мы тогда потеряли. Первая эскадрилья, летевшая на штурмовку, возвратилась с большими потерями. Железнодорожную станцию неподалеку от Берлина разбомбить не удалось - помешал сильный зенитный огонь.

Полетела наша группа. Что же оказалось? Рядом со станцией - парк. Ничего подозрительного в нем не видно! Пикируем на эшелоны. И здесь ураганный огонь зениток. Они были тщательно замаскированы среди деревьев...

Выбросился я на парашюте из загоревшегося самолета. Еще не приземлился, вижу - к месту приземления бегут немецкие солдаты с собаками. Не стреляют, значит, решили взять живым... Словом, попал я в плен. Шел тогда апрель 45 - го, близился конец войны».

Продолжение от 22 октября 1994 г.

Это страшное слово «плен»

За четыре года войны из 5 миллионов 700 тысяч человек советских военнопленных в гитлеровских лагерях, не дожив до Победы, погибли 4 миллиона человек. Выжили не более трех из десяти. Как удалось им, моим землякам, пройти через ад лагерей, через унижение и голод, гадать не будем.

Первый лагерь Л.М. Судомойкина был в открытом поле, западнее станции Чирской Сталинградской области. Из-за вечного голода, холода, унижений притупились все чувства. Только зло брало на судьбу и командиров, на то, что до военнопленных ни Богу, ни Сталину не было дела.

Л.М. Судомойкину удалось выжить, пройдя через лагеря, тюрьмы, розги и через свою родную контрразведку.

Лагерным номером Н.П. Семенникова был № 64372. Там, в лагере «Ударница» (так назывались наши военные склады до прихода немцев), что под Киевом, узнал он, что такое «ряба». Это кормовой овощ, который лопатой иссекали и смешивали в бочках с водой. И такой обед один раз в сутки. А после «Ударницы» попал Николай Прокопьевич в Польшу, в шахты. Там, в плену, он встретил земляка из Шанаги Цыбикжапова Батомунко Цыбикжаповича. Война для Семенникова кончилась в 90 километрах от города Инстербурга, когда он вместе с двумя товарищами, бежав из-под конвоя, оказался у союзников.

Лизунов П.Н., пройдя через днепропетровский лагерь для военнопленных, оказался в Западной Германии. Из того лагеря, благодаря случаю, попал Никифор Николаевич на фанерную фабрику, куда свобода явилась в лице американских союзников. Но она была недолгой: американцы сменились англичанами, а потом бывшие военнопленные перешли в руки наших особистов. Лишь в апреле 1990 года Н.П. Лизунов получил справку о реабилитации из КГБ. В том же году получил он и удостоверение участника войны.

С весом в 36 килограммов С.Ф. Пономареву удалось таки выжить в лагерном аду. Спасли его молодость и лагерный врач, русский по национальности, который тайком лечил военнопленных в бараках. После побега из фашистского лагеря Пономареву с его товарищами довелось воевать с полмесяца вместе с американцами. После допросов в особом отделе Степан Федорович служил пулеметчиком в 55-м механизированном полку. Победу встретил он в Австрии.

На долю И.Г. Вокина, К.М. Перевалова, О. Г. Афанасьева, Л.А. Черняева, С.Ф. Григорьева, Г. Г. Стрекаловского и многих других выпало столько страданий, сколько не пережить и большему количеству людей. Лагерный госпиталь, слепота, потеря речи и все это случилось с Ильей Елизаровичем Вокиным в плену.

Выбрался он с того света, благодаря хирургу из Ленинграда, Дмитрию Николаевичу. Благодаря ему, увидел военнопленный Вокин свет. Потом были работа у финских фермеров, лагерь Пара Ярва, затем лагерь на полуострове Ханка, 75 розг и штрафной лагерь за побег. Смерти в финском плену ему удалось избежать, благодаря перемирию в сентябре сорок четвертого.

Кузьму Михайловича Перевалова от голодной смерти спасла сельхозработа у хозяев, что было во Франции. Вместе с ними-то они и оказались у союзников, воевали на их стороне, пока бывших военнопленных из России не передали своим.

Два с половиной года проработал на рудниках в Германии О. Г. Афанасьев. Рядом работали французы из тех, кто отказался служить у фашистов. Им регулярно шли посылки через Красный Крест, и французы делились с русскими пленными. И это тоже помогало выжить. Нелегко

пришлось позднее, когда военнопленных, стариков, молодежь, вывезенную в Германию, проверяли органы МГБ. Где воевал, кто командир? Как попал в плен, кто свидетель? Офицеров, оказавшихся в плену, понижали в звании и везли отдельно. И в Москве, где Осип Трифионович работал два года, еще не раз вызывали его в отдел МГБ... Лишь 4 февраля 1991 года получил О. Г. Афанасьев удостоверение ветерана.

Л.А. Черняеву удалось вырваться из концлагеря, что находился западнее Праги, благодаря побегу. С.Ф. Григорьеву и его товарищам по неволе досталось не меньше: сначала в плену на нашей территории, затем в Германии, Франции. Италии. Освободили их американцы, которые передали их затем нашим. Первое, что им дали у своих - книжонки с речью Сталина.

Давайте посмотрим правде в глаза. Многие фронтовики, и среди них некоторые мои земляки, не разделяют критики в адрес Сталина. Рядом с родовой иконой видела я в некоторых домах портрет Иосифа Виссарионовича. «Нам помогала выстоять в бою вера в Сталина. Его слова «Победа будет за нами» звучали как клятва. Хотим мы или не хотим, но их тогдашнюю веру в святость и непогрешимость вождя никому не отменить. Была она искренняя. Помню, в год 40-летия - Победы мы были с учениками дома у героя Советского Союза Е.И. Соломенникова. На наивный детский вопрос: «А вы «ура» кричали?» он ответил: «Кричали, сынок. Поднимаясь в бой, кричали «Ура!», ругались матом и орали «За Родину! За Сталина!» Так было легче оторваться от земли и вести бойцов за собой». Согласитесь, в этих словах иная интонация. И все же многие ветераны не согласятся с жесткой оценкой, данной Сталину. Ильей Эренбургом: «Мы победили, невзирая на товарища Сталина». Но это, конечно, не исключает и противоположного мнения.

Продолжение от 26 октября 1994 г.

Послесловие автора

После войны по разному сложились судьбы тех, кто побывал за колючей проволокой лицом к лицу со звериным ликом фашизма.

Кое кого и дома ожидало почти то же самое: тюрьма, сторожевые вышки и тяжелая работа до помрачения. Маховик массовых репрессий, запущенный в 30-е годы, после войны снова стал набирать обороты.

Он растоптал светлые мечты, унизил народ-победитель. Бывшим военнопленным в течение шести лет после войны был запрещен выезд на родину. Так И. К. Пацация оказался в курбинском леспромхозе. Здесь он обзавелся семьей. За 45 послевоенных лет только однажды со старшей дочерью Таней побывал в Грузии. Умер Ион Константинович так и непризнанным участником войны. Из-за плена.

Драматично сложилась судьба лейтенанта Нестерова. В семейном архиве сохранилась справка на двух языках - на русском и французском. Она

гласила о том, что русского офицера С. А. Нестерова, бежавшего из плена, в течение трех месяцев укрывал французский крестьянин. Сидор Анифонович вернулся ровно перед Пасхой сорок шестого года. Но через полгода заведующего Петропавловской шальной школы увезли в Бурвоенкомат в Улан-Удэ. И оказался бывший военнопленный фашистского концлагеря в ... родных лагерях: сначала на Колыме, а потом в вологодских. Там, по словам С.Л.Нестерова, тайком читали книгу Солженицына «Архипелаг Гулаг», где вся правда про наши тюрьмы.

Выпустили С.А. Нестерова из лагерных ворот в начале хрущевской оттепели. Лишь смерть вождя открыла ворота тюрьмы.

Но даже после возвращения из сибирских, северных и дальневосточных лагерей к ним не сразу возвращалось честное имя. Окруженцев и военнопленных понижали в званиях на две-три ступени с прохождением испытательного срока. Люди, прошедшие все круги ада, бедовавшие во многих лагерях, не нашли сочувствия и понимания на Родине. В душе каждого из них - зияющая рана. Отсвет «позора» падал на жен, родителей, детей. Лишь после смерти Сталина было снято табу с окруженцев и военнопленных. Через 20 лет после Победы в 1964 году вышло «помилование». Перед ними официально извинились, вызвали в военкомат и вручили удостоверение участника войны.

А многие и многие так и ушли из жизни, не возвратив себе солдатского звания и солдатского пайка, рожденного нашим нелегким временем. На воротах их домов так и не появились красные звездочки и таблички с напоминанием о том, что здесь живет участник Великой Отечественной войны.

Сегодня социальная незащищенность фронтовиков, попавших в самые тяжелые переипетии войны, проявляются в том, что они стали... просителями. Некоторые из них сегодня ведут долгий бой за свое честное имя. Они пишут во все мыслимые и немыслимые инстанции, не всегда спокойно и убедительно. Иногда сумбурно и зло. В полуграмотных своих жалобах, написанных чаще чьей-то чуткой, доброй рукой, вызывают к сочувствию и справедливости. «Я не предавал Родину, пишет министру обороны один из них. Хочу умереть фронтовиком». Вырываются - от бессилия горькие слова: «Пусть же пионеры, прибившие красную звездочку на мои ворота, уберут ее...»

Получить удостоверение для красноармейца А.К.Пономарева (Слобода) оказывается не легче, чем прошагать не одну сотню километров с минометной плитой на шее. Десять лет длилась переписка В. К. Ефимова с разными инстанциями - в какие только он ни обращался, чтобы реабилитировать свое имя...

У исследователей, занимающихся «живой историей» есть жуткий термин «натура». Это человек, носитель исторической памяти, который может сказать: «Я видел», «Я помню», «Я свидетель». Уходит «натура» - уходят жизни. 90-е годы листопадная осень поколения, вынесшего на своих плечах войну.

К сожалению, давно ушли из российского бытия письменные традиции. Кто теперь пишет семейные воспоминания, ведет дневники и летописи рода? О какой генеалогии может идти речь, если дальше дедушки мы не знаем своих предков по имени-отчеству. А ведь история на уровне одной биографии не менее поучительна, чем история народа.

Могу засвидетельствовать: они хотят рас сказать о пережитом. Это мы не идем к ним. Чувствуя внимание к себе, они счастливы поведать о времени и о себе. Они удивлены, что это еще кому-то нужно. Но бесстрастно и отстраненно слушать их исповеди невозможно. Их свидетельства часто расходятся с учебниками истории. И диво ли это? Историческая наука, за долгие годы тоталитаризма успешно освоившая свойства хамелеона, подавала лишь материал, соответствующий «генеральской линии».

Прикоснувшись к локальной теме бичурских военнопленных, я рассказала лишь о нескольких судьбах. Сколько горестных и героических историй унесли с собой Сергей Владимирович Лазарев, Перфил Зиновьевич Тюрюханов, Кузьма Евсеевич Тюрюханов (Бичура), Иосиф Липатович Афанасьев (Новосретенка) и многие-многие другие. Пусть же эти публикации будут запоздалым покаянием перед ними. Пусть ныне здравствующие живут подольше и будут здоровы все, кто воевал, страдал и надеялся вместе с народом.

От редакции. Завершая публикацию воспоминаний бывших военнопленных из Бичуры, мы не прощаемся с Нелли Дмитриевной Коробенковой, подготовившей их к печати. Много лет назад «заболев» этой темой, она и сегодня бережно собирает все, что связано с войной. Как удается ей, сельской учительнице, выкраивать для этого время между уроками, внуками и хозяйством, остается удивляться. Нелли Дмитриевна Коробенкова, без преувеличения сказать, совершила гражданский подвиг. Ведь только благодаря ей мы узнали о горьких судьбах наших земляков, да что там мы! И для близких многое рассказанное на страницах газеты об их отцах и дедах оказалось открытием...

Мы признательны Вам, Нелли Дмитриевна!